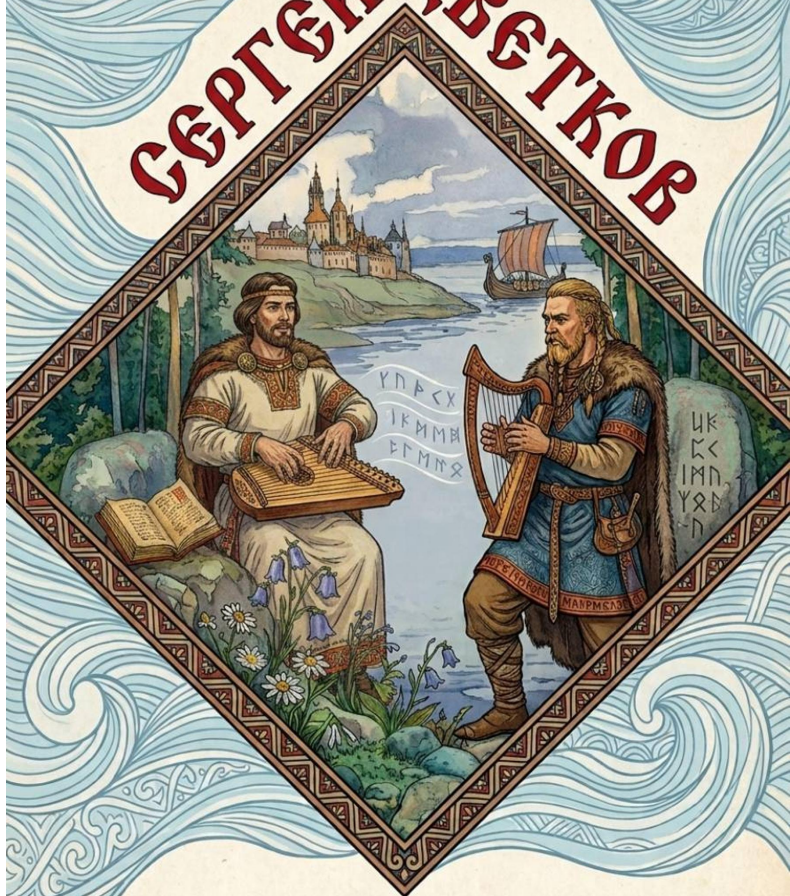

СЕРГЕЙ ЦВЕТКОВ

ДВА ГОЛОСА

Сергей Цветков

Два голоса

<https://litres.ru/73835296>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рассказ переносит читателя в начало XI века, во времена борьбы сыновей князя Владимира за власть. В центре повествования — удивительная история двух великих бардов: русского певца Бояна и скандинавского скальда Торгрима, чьи судьбы переплетаются в эпическом противостоянии.

Главный конфликт разворачивается не только между двумя талантливыми исполнителями, но и между их пониманием искусства: для Торгрима поэзия — это оружие, для Бояна — мост между людьми. Их соперничество разворачивается на фоне исторических событий: междоусобных войн, сражений и примирений князей.

Уникальность произведения заключается в глубоком исследовании силы искусства, способного как разжигать войны, так и примирять врагов. Автор мастерски переплетает исторические факты с художественным вымыслом, создавая масштабную картину эпохи.

Произведение наполнено яркими образами, глубоким философским смыслом и показывает, как искусство может стать силой, способной изменить ход истории.

Сергей Цветков

Два голоса

I

Боярин Драгомир покинул Болгарию в те дни, когда византийский император Иоанн Цимисхий праздновал свой триумф в войне с «росами». Обоз с домочадцами и скарбом двинулся на восток по старой римской дороге, держа путь к устью Дуная, вслед уплывшим русским ладьям.

В этой войне Драгомир принял сторону русского князя Святослава, обещавшего болгарам восстановить их распавшееся царство. Уплаченная цена была чрезмерно дорогой: старший сын Драгомира пал при обороне Преслава, средний и младший погибли в последней битве у стен Доростола.

Навсегда покинув родную страну, Драгомир осел в Киеве. Схожая с болгарской местная речь, а впоследствии приезд болгарских священников, которые установили в киевских храмах общий язык богослужения, помогли ему обрести в стольном русском граде новое отечество. Здесь его жена родила ещё двух дочерей и умерла, оставив Драгомира вдовцом на седьмом десятке лет.

Через три года после смерти жены, уступив уговорам князя Владимира, Драгомир женился вторично — на Любаве, дочери богатого купца, державшего торговлю с Херсонесом,

Корчевым и другими городами Таврии.

Их единственный сын родился в грозовую июльскую ночь 1001 года. Роды были тяжёлыми, повитуха уже отчаялась спасти младенца, когда раздался звук — не плач, а какое-то певучее стенание, будто младенец отзывался на громовые раскаты.

— Слышишь, как бает? — слабо улыбнулась Любава, взглянув на вошедшего мужа.

— Тогда Боян будет имя ему, — сказал Драгомир, взяв младенца на руки. — Хочу, чтобы в сыне моём воскресла певческая слава сына царя Симеона Бояна-Вениамина. Пускай, подобно ему, чарует людей гусельной игрой и, не зная преград, рыскает серым волком по земле, сизым орлом под облаками.

II

Многочисленные сыновья князя Владимира один за другим выросли, и отец раздавал им княжеские столы в подчинённых Киеву волостях. Младшему, Мстиславу, он выделил далёкую Тмуторокань, а Драгомира поставил его опекуном и воеводой.

Так Драгомир со всей семьёй оказался на краю земли — в городе между небом и морем, над чьими стенами ветры смешивали горечь степных трав и солёных волн.

Княжеский двор был подобен золотой клетке с разными

певчими птицами. Здесь можно было встретить греческих купцов из Херсонеса, хазарских иудеев из Саркела, касожских князей с предгорий Кавказа, печенежских послов. В этом вавилонском столпотворении Боян с детства впитывал многоголосие мира, учась различать в каждом наречии его особую музыку.

Драгомир с радостью замечал, что угадал с именем сына. Более всего привлекали мальчика рокот гусельных струн и вольный полёт сокола в бездонной синеве неба. На княжьей охоте он замирал, глядя на то, как расправленные крылья птицы чертят в воздухе невидимые письмена. Князь Мстислав, заметив эту страсть, определил его в помощники к старшему сокольничему Ратибору. Тот научил Бояна не только выращивать и обучать ловчих птиц, но и понимать их язык — те особые звуки, которыми сокол пугает врагов, торжествует над поверженной добычей или выражает радость полёта.

— Видишь, отрок, — говорил Ратибор, выпуская на утренней заре любимого княжеского сокола по имени Ветер, — птица эта не просто летает. Она поёт песнь небу. И кто эту песнь понимает, тот и соколом может обернуться, взлетев мыслью под самые облака.

— Смотри, — говорил ему в другой раз Ратибор, — сокол летит не для того, чтобы убить. Он летит, потому что не может не лететь. Так и певец поёт, потому что не может молчать.

Игре на гусях Боян учился у бродячих певцов, которые стекались на княжий двор в дни больших праздников. Одни, знаменитые и обласканные князьями в разных землях, пели дружинные старины о походах Олега на Царьград, о мести Ольги и битвах Святослава, воздавали хвалу богам. Их гусельный строй звучал мерно и торжественно. У них юный Боян прилежно перенимал ремесло сказителя, умение строить песнь, владеть голосом и находить для каждого события нужную форму, единственно верное слово. Он выучивал их песни наизусть, как усердный ученик заучивает священные тексты.

Были и другие певцы: калики перехожие, безымянные гусяры. Они не пели о князьях. Их струны говорили о тоске земли по небесному раздолю, о любви, которая сильнее смерти, о судьбе человеческой, что выётся причудливее любого узора. В их песнях плакала вдова убитого ратника, смеялся ребёнок, и сама природа обретала голос, становясь действующим лицом великой драмы бытия. И если знаменитые певцы вручали Бояну старательно вычерченную карту мира, то эти безымянные сказители дарили ему ключ к сокровитному — к тому, что происходит в душе человека и мира.

Но истинным его учителем стал слепой гусярь Велеслав. Он появился в городе зимой, на Рождество, когда Бояну было двенадцать лет. Говорили, что он ослеп оттого, что увидел истинный облик мира, который человеческий глаз видеть не способен. Когда он пел, казалось, что гусли играют сами —

его пальцы едва касались струн, но звук наполнял всю гридницу, заставляя дрожать пламя свечей.

Боян часами просиживал у ног старика, пытаясь понять секрет его игры. Однажды Велеслав сказал:

— Я чувствую, что ты смотришь на мои пальцы, верно? Но помни: музыка живёт в звуках, а рождается в тишине между ними.

Он взял руки мальчика и положил их на гусли. Но едва Боян коснулся струн, как старик ударил его по пальцам.

— Не трогай их! Сначала научись слышать, как они звучат, когда их никто не касается!

После ухода Велеслава Боян много вечеров просидел перед безмолвными гуслиями, вслушиваясь в их молчание. Постепенно он начал различать еле слышимое гудение — струны откликались на шаги в соседней комнате, на ветер за окном, на биение собственного сердца. Мир был полон звуков, которые ждали, чтобы их услышали. Он научился слушать то, что другие пропускали мимо ушей: вздох земли перед рассветом, шелест воды на прибрежном песке, тонкий звон ковыля на ветру, шёпот камыша в плавнях, далёкий волчий вой и резкие вскрики чаек над лазурной гладью моря, покрытой лёгкой чешуёй зыби, ритмичный плеск волн, бившихся о старый причал, скрип разошедшихся мачт торговых ладей, стон старого дуба, помнящего первых хазарских каганов, трескучее пение огня в очаге и даже молчание — то особенное, глухое молчание степи, когда всё живое замирает пе-

ред грозой. И всё это копилось в нём, как вода копится в глубоком колодце.

Только после этого Велеслав, в свой следующий приход, позволил ему извлечь первую ноту. Она прозвучала так чисто, что старик вздрогнул.

— У тебя два голоса, — сказал он после долгого молчания. — Один — твой, другой — не твой. Они будут бороться всю твою жизнь. Если победит твой голос — станешь великим певцом. Если победит другой — станешь больше, чем певцом, но перестанешь быть собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.